

C.3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Городской театр.

Кто еще сомнивался, что смотреть Чеховскія пьесы, хотя-бы только въ приличномъ исполненіи — большое наслажденіе, тотъ могъ въ этомъ убѣдиться, прослушавъ третьяго дня «Иванова». Играли только прилично — не больше, между тѣмъ, весь зрительный залъ оказался во власти художника, всѣ почувствовали себя зараженными тѣмъ настроеніемъ, которымъ проникнута пьеса. Настроение это — неудовлетворенности жизнью, ея нищенской плохостью, ея ненужностью, безцѣльностью и ужасающей пустотой. Песня возможна, что большинству зрителей трудно было даже отдать себѣ отчетъ въ томъ, что ими испытывается, но если-бы вся эта театральная толпа могла излить свои впечатлѣнія въ одномъ вздохѣ, то вздохъ этотъ гласилъ-бы: «Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!».. Скучно и тяжело.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, кто доволенъ жизнью изъ героевъ Чеховской пьесы? Въ сущности *никто*, и если всѣ мирятся съ нею, то лишь потому, что каждый безсознательно натекаетъ себѣ въ чашу либо успокоеніе. «Честный» Ляпонъ — въ своей прагматической морали и въ сознаниі, что онъ удивительно честный человѣкъ; старый брюзга графъ — въ своей напускной нигилистичности, изъ подл которой нѣтъ нѣтъ да и пробьется любовь къ людямъ; Лебедевъ — въ периодическихъ возгласахъ «Гаврила!», старуха Лебедева — въ ехидничествѣ и даже Саша, чувствующая по своей молодости болѣе другихъ пустоту этой жизни, думаетъ однако, что нашла себѣ вытѣхъ въ «дѣйствительной любви» къ Иванову. Всѣ эти лица однако лишь плоть отъ плоти и кости отъ кости того общества, которое такъ мастерски нарисовано во 2-й дѣйствіи пьесы, и гляди на которое, по словамъ Саши, «нухи крутъ отъ скуки, и ладони начинаютъ потѣть».

Пессимистическое настроеніе автора идетъ еще дальше. На этомъ сѣренькомъ фонѣ провинціальной обывательщины появляется чуждый, который хотѣлъ какъ-будто выбиться изъ общей колеи будничной жизни. Онъ любилъ, ненавидѣлъ и вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, онъ искалъ унесенія въ работу — и что-же? Въ какіе-нибудь 35 лѣтъ, когда въ кругѣ общества, по походящему на это, люди только и начинаютъ жить, въ качествѣ общественныхъ работниковъ, — это уже живой мертвецъ, разбитый, утопленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли и добавокъ еще приписанный къ заключенію, что онъ ошибался, что жизнь слѣдуетъ строить по инаблону. «Не жнитесь вы ли на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выберите себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ», — совѣтуетъ онъ Ляпону. Съ одной стороны, чеховскій герой какъ будто и правъ: людей, не вырывающихъ изъ своей раковины, не постигающихъ, разубѣгающихъ, участь Иванова, по съ другой — что ограды въ жизни тѣхъ, которые слѣдуютъ его совѣту? Въ томъ-то и горе, что, даже будучи свидетелемъ того надрыва, который произошелъ съ Ивановымъ, всякій незаурядный человекъ подумаетъ: неужели же лучше мелкой рыбкой прозябать въ этомъ грязномъ омутѣ пошленькой жизни, чѣмъ рѣшиться на широкій размахъ даже съ рискомъ выскочить изъ колеи и очутиться въ положеніи Иванова?..

О Чеховской пьесѣ я писалъ при постановкѣ ея «любопытномъ и чувствую, что ни теперь, ни тогда не сказалъ и ея той доли того, что слѣдовало-бы сказать, но для этого нужны рамки не газетной рецензіи, а, пожалуй, журнальной статьи. Повторю лишь то, что говорилъ уже осенью: Ивановъ, у котораго въ 35 лѣтъ уже за-

С.З

хрустела» сплела отъ «ничтожныхъ поди-
говъ», Ивановъ, поющій и поющій Лазаря
«бездъ всякой инанной причины», Ивановъ,
пришедшій въ концѣ-концовъ къ заключе-
нію, что лучше всего жить, какъ пѣть, и
искать успокоенія отъ мучающаго пной
разъ шевелиться червячка въ томъ, чтобы
замереть его либо живительной влагой,
либо кармапъ, либо напущенной «чере-
хлюдей», — таковъ Ивановъ возможенъ лишь
въ известной средѣ.

Разыгранъ былъ «Ивановъ», какъ уже
сказано, довольно прилично. Нѣсколько
способно и, какъ мнѣ кажется, нехорошо
играла Сарра г-жа Роксанова. Прже все-
го въ финалѣ 1-го акта она имела раз-
драженный тонъ, чѣмъ значительно осла-
била впечатлѣніе тихой грусти, которую
нѣтъ отъ этой поэтической сцены. Скука, ду-
шевное одиночество, внутренняя пустота,
какое-то смутное предчувствіе, — все тра-
буетъ мягкого поларита, который такъ
удивительно удачно придала этой сценѣ
г-жа Дивропа. Совсѣмъ оригинально по-
ела г-жа Роксанова финалѣ 3 акта: у нея Сарра
является смертельно-больной, еле двигаю-
щейся и напослѣдъ оскорбленія Иванову
съ такой обдуманностью, какъ будто она
сама убѣждена въ томъ, въ чемъ обви-
няетъ мужа. Все это совсѣмъ не соотвѣт-
ствуетъ ни замыслу автора, ни нашену
представленію о Саррѣ, какъ женщинѣ,

которую даже старый брюзга графъ ха-
рактеризуетъ въ минуты искренности съ
самой лучшей стороны. Вообще г-жа Рок-
санова, поидиному, не умѣетъ переда-
вать нарастающаго чувства, а это боль-
шой недостатокъ въ роляхъ не мелодрама-
тического характера.

Изъ остальныхъ исполнителей выдѣля-
лись гг. Рощинъ и Соловцовъ. Последний
былъ очень типиченъ въ роли Лебеденя,
хотя бывшему воспитаннику московскаго
университета, даже и затянутаго типомъ
провинціальной жизни, совсѣмъ не прили-
чествуетъ, конечно, говорить: «конфиден-
циально». Г. Леонидовъ въ роли Боркина
очень старался и очень... шаржировалъ,
что, впрочемъ, понятно тамъ, гдѣ актеръ не
умѣетъ у себя почивать подъ ногами. А
играть комическую роль, не имѣя природ-
наго комическаго дарованія — на значить-ли
строить здание на пескѣ и неравносильно-
ли это стремленію притащить зубами лу-
ну? Сказать откровенно, мнѣ казалось-бы,
что г. Леонидову слѣдовало-бы лучше по-
ручить роль Львова: онъ бы съ нею спра-
вился, пожалуй, не хуже г. Вагрова.

Старый Театраль.